

УДК 903.2 (57)
DOI 10.17223/19988613/45/13

А.А. Казаков

О ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИЗДЕЛИЙ ПОЛИХРОМНОГО СТИЛЯ

На основании новых материалов, полученных исследователями за последние 50 лет, определяется восточная граница распространения изделий полихромного стиля, которые маркируют ареал влияния культур гуннского круга. Анализ погребально-поминальных комплексов, содержащих в составе инвентаря изделия, выполненные в полихромном стиле, позволил выделить погребения как инокультурные, принадлежащие собственно гуннам, являвшимся источником культурных инноваций и трансформаций, так и погребения, представляющие местные культурные традиции. Проведенная граница позволила высказать гипотезу о включении археологических культур Западной Сибири эпохи раннего Средневековья в круг культур, образующих гуннское культурное единство с преимущественно западным направлением культурных контактов, и провести границу с культурами преимущественно с восточным направлением культурных связей.

Ключевые слова: полихромный стиль; гунны; ареал распространения; раннее Средневековье.

С момента публикации в 1978 г. Алексеем Павловичем Уманским материалов разрушенного погребения у с. Тугозвоново, в комплексе которого содержалось большое количество изделий, выполненных в полихромном стиле [1, 2], ранее не известных в материалах Западной Сибири и сопредельных территорий, археологами введен в научный оборот достаточно представительный и объемный блок материалов, относящихся к интереснейшему периоду истории – эпохе раннего Средневековья, в том числе и к достаточно короткому в хронологическом отношении, но весьма емкому по содержанию периоду «Великого переселения народов». К сожалению, в настоящее время эти материалы интерпретируются в рамках локальных регионов и пока недостаточно осмыслена роль раннесредневекового населения Западной Сибири в глобальных исторических процессах, происходящих в это время на территории Евразийского континента. О включенности этого региона в интереснейшие события этого периода, по мнению А.П. Уманского, свидетельствуют в том числе и изделия полихромного стиля, связываемые большинством исследователей с гуннами, которые были основной движущей силой глобальных исторических процессов эпохи «Великого переселения народов».

К сожалению, до сих пор исследователям, занимающимся гуннской проблематикой, не удалось выявить другой категории инвентаря, кроме изделий, выполненных в неповторимом полихромном стиле, которая маркирует принадлежность комплексов материальной культуры к гуннской культурной среде. Более того, до сих пор имеются обоснованные сомнения в том, что именно полихром является этим диагностирующим маркером. Однако за неимением других в настоящее время будем опираться именно на это положение.

Среди выдвинутых А.П. Уманским гипотез и поднятых вопросов в связи с Тугозвоновской находкой, актуальных и в настоящее время, следует отметить одно существенное наблюдение: эта находка в 1978 г. маркировала восточную границу распространения изделий полихромного стиля [1. С. 129, 163]. Однако

уникальность этих предметов из всего лишь одного захоронения, их исключительность для этого региона (географической широты) и большое расстояние от других восточных находок полихрома, локализованных в основном в Средней Азии, порождали некоторые сомнения во включенности юга Западной Сибири в сферу влияния культур гуннского круга. Существовала возможность и случайного проникновения этих предметов столь далеко на восток.

Накопленные в настоящее время материалы, происходящие из девяти памятников, содержащих предметы полихромного стиля, позволяют уточнить восточную границу их распространения и выдвинуть гипотезу об интеграции археологических культур эпохи раннего Средневековья Западной Сибири в круг культур гуннского влияния.

Несмотря на то что изделия полихромного стиля, происходящие с восточной периферии их распространения, являются уже достаточно представительной коллекцией, их публикации рассредоточены по различным изданиям, отдельные из которых являются уже библиографической редкостью и не имеют электронных версий, что затрудняет ознакомление с ними широкого круга молодых исследователей. С целью устранения этого положения позволю переопубликовать отдельные изделия полихромного стиля, сведя их в одну публикацию, оставив авторские рисунки без единой правки.

Как уже было сказано, в настоящее время известно 9 памятников, в материалах которых присутствуют гуннские изделия полихромного стиля, маркирующие восточную границу его распространения. Один из них приобрел мировую известность, и с его материалами знакомы практически все археологи, занимающиеся проблемами истории первого тысячелетия. Это могильник Тугозвоново, материалы которого достаточно полно опубликованы и интерпретированы А.П. Уманским [1, 2].

Восемь других, содержащих столь же уникальные полихромные материалы, к сожалению, до сих пор не

так широко известны исследователям. По крайней мере, в литературе при упоминании полихромного стиля обязательно есть сноски на коллекцию из Тугозвонovo, и намного реже встречаются указания на коллекции других, уже достаточно давно опубликованных памятников. Это погребение Ераська в лесостепном Алтае [3], погребение на могильнике Сопка-2 (№ 688) в Барабе [4], погребение на могильнике Ивановка-6 в Новосибирской области [5], погребение кургана 35 Тимирязевского курганного могильника 1 [6. С. 90], погребение кургана 6 курганного могильника Крохалева-23 [7. С. 104], погребение 2 кургана 1 курганного могильника Крохалева-16 [8. С. 222], поминально-погребальный комплекс Аржан-Бугузун из юго-восточного Алтая (Кош-Агачский район Республики Алтай) [9] и погребение из кургана Бома в Северном Приятьншанье [10].

Для достижения целей настоящей работы нам необходимо более конкретно определиться с их географическим местонахождением.

Тугозвоновское погребение расположено на правом берегу р. Чарыш, в 0,5 км к СВ от пос. Новосельский. Верхняя наддуговая терраса реки достигает здесь 3,5 м высоты [1. С. 129] (примерные географические координаты (по описанию А.П. Уманского) определены при помощи программы Google Планета Земля: 82° 32' в.д., 52° 03' с.ш.).

Погребение на р. Ераська также является случайной находкой. Первые данные о нем относятся к июню 1991 г., когда в Алтайский краеведческий музей поступило сообщение о нем от местной жительницы И.Н. Митьковской. Расположено оно в Калманском районе Алтайского края, в 2 км юго-западнее Змеингорского тракта на левом берегу пруда на р. Ераська [3. С. 77]. Географические координаты памятника 83° 33' 81,1" в.д., 53° 01' 12,2" с.ш. (сняты автором автомобильным навигатором при повторном обследовании).

Разновременный могильник, объединенный общим названием Сопка-2, содержащий погребение № 688, расположен в Венгеровском районе Новосибирской области, в месте слияния рр. Омь и Тартас [4]. Примерные географические координаты определены при помощи программы Google Планета Земля (76° 44' в.д., 55° 37' с.ш.) и являются достаточно относительными. Но высокой точности для достижения целей нашей работы и не требуется.

Погребение с подвеской-фибулой, изготовленной в полихромном стиле, исследованное в 1994 г. на курганном могильнике Ивановка-6, является подкурганым. Могильник расположен на правобережье р. Оби у с. Чингисы Ордынского района Новосибирской области [5. С. 283]. Примерные географические координаты определены при помощи программы Google Планета Земля: 81° 37' в.д., 54° 14' с.ш.

Погребение кургана 35 Тимирязевского курганного могильника 1, в инвентаре которого имеются изделия,

выполненные в полихромном стиле, расположено «на левом берегу р. Томи, против Томска, на 1 км западнее пос. Тимирязево» [6. С. 7]. Примерные географические координаты Тимирязевского курганного могильника 1 определены при помощи программы Google Планета Земля: 84° 52' в.д., 56° 28' с.ш.

Еще одно изделие полихромного стиля обнаружено в погребении кургана 6 курганного могильника Крохалева-23, расположенного у с. Крохалева Коченевского района Новосибирской области, на высокой террасе над системой проток и рек Чик-Чаус [7. С. 16]. Примерные географические координаты курганного могильника Крохалева-23 определены при помощи программы Google Планета Земля: 82° 32' в.д., 55° 09' с.ш. Координаты относительные, вероятнее всего, имеется определенная погрешность.

Погребальный комплекс с материалами, содержащими два предмета, изготовленных в полихромном стиле, представлен могилей 2 кургана 1 курганного могильника Крохалева-16, расположенного в 3,2 км к востоку от южной окраины с. Крохалева Коченевского района Новосибирской области, на пологом склоне террасы в сосновом бору [8. С. 66]. Примерные географические координаты курганного могильника Крохалева-16 определены при помощи программы Google Планета Земля и совершенно незначительно отличаются от координат курганного могильника Крохалева-23. Погрешность при определении координат незначительна и не влияет на достижение цели нашей работы – определения восточной границы распространения полихромных изделий гуннского типа.

Погребально-поминальный комплекс Аржан-Бугузун, исследованный в 2009 г., находится в верхнем течении р. Бугузун, в Кош-Агачском районе Республики Алтай [9. С. 28]. Примерные географические координаты памятника определены при помощи программы Google Планета Земля: 89° 14' в.д., 50° 03' с.ш.

Курганы Бома, разрушенные при проведении земляных работ в октябре 1997 г., находятся в уезде Чжаосу, рядом с погранзаставой Бома на южном участке китайско-казахской границы (Восточный Туркестан, непосредственно граничащий с Восточным Казахстаном и Российским Алтаем). Географические координаты памятника 80° 15' 11,4" в.д., 42° 41' 30,4" с.ш. [10. С. 91].

Приведенные данные располагающихся в различных широтных координатах погребений, являющихся самыми восточными по долготе на своей параллели, позволяют достаточно четко проследить восточную границу распространения изделий полихромного стиля гуннского типа. Учитывая, что полихромные изделия являются своеобразным маркером, ориентируясь на который возможно определить и восточную границу влияния носителей определенной культурной среды, в которой подобные изделия имели широкое распространение, представляется достаточно интересным определиться с их культурно-хронологической при-

надлежностью, так как, не имея широкого распространения в восточных регионах, можно говорить, что они были привнесены сюда представителями правящей элиты с запада.

Для решения одного из основных вопросов ранне-средневековой археологии – о направлении культурных связей, преобладающем влиянии в этот период культурных традиций в культуругенезе археологических культур, включенности в определенное культурное пространство регионов Западной Сибири, необходимо определиться и с самими изделиями полихромного стиля, насколько они культурно-хронологически однородны. Здесь мы сталкиваемся с еще одной трудностью: в большинстве случаев отсутствуют их детальные, качественные прорисовки или они достаточно схематичны и не отражают всех необходимых деталей для культурно-хронологической атрибуции, опирающейся на технологические «мелочи», которые нередко и являются основой для хронологии. Кроме того, представленные фото не слишком хорошего качества и зачастую черно-белые.

При работе над этой статьей автор столкнулся с труднообъяснимым явлением, когда самые красивые, показательные, интереснейшие вещи во всей археологии не нашли отражения в детальной, качественной цветной съемке. Ни в каталогах Государственного Эрмитажа, ни в сводных изданиях по археологии мне не встретилось ни одного цветного снимка вещей из Тугозвонovo. Не имея возможности провести фотосъемку всех вещей, публикую снимки изделий из погребения на р. Ераська (рис. 1), наверхия меча из погребения № 688 могильника Сопка-2 (рис. 2 по: [11. С. 101]) и серебряной подвески из Ивановки-6 (рис. 3 по: [12]) – все, что удалось найти в публикациях.

Учитывая, что изделия полихромного стиля являются достаточно уникальным культурно-хронологическим явлением, привлекающим внимание исследователей на протяжении уже более чем полутора веков и благодаря этому достаточно хорошо изученным, начнем с их культурно-хронологической интерпретации.

Рис. 1. Изделия полихромного стиля из погребения на р. Ераська

Рис. 2. Изделие полихромного стиля из погребения № 688 могильника Сопка-2

Рис. 3. Изделие полихромного стиля из Ивановки-6

Для поиска аналогий необходимо определиться с имеющимся материалом. Как уже было замечено, публикации оставляют желать лучшего. Несмотря на прорисовки, по ним нельзя определить многие технологи-

ческие особенности, имеющие важное значение для культурно-хронологической атрибуции.

Так, в погребении на Ераське найдены «3 бронзовые, круглые, “ярусные” блихи с позолотой, насечками и выпуклой вставкой из отполированного минерала (одна вставка утеряна), <...> набор поясного ремня погребенного, к которому они крепились при помощи 3 шпеньков. Диаметр блих 3,5 см. На вставках минерала, по центру, заметны наколотые отверстия для крепления во время обработки» [3. С. 80]. Это всё. Нет даже цвета вставок, не говоря уже об определении минерала. Судя по рисунку, насечки могли представлять и зернь, а гнезда для крепления «минерала» являются литыми, хотя на деле могут быть и напаянными.

Подобное описание побудило к более подробному исследованию этих изделий, хранящихся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея (Учетное обозначение ОФ 15625/31-33, А-2482-24-84), позволив проследить некоторые технологические приемы и реконструировать особенности технологической цепочки [13], что не повлияло на представленные ниже выводы.

Изделие из могилы № 688 могильника Сопка-2 описано следующим образом: «Золотой набалдашник полусферической формы с широкими полями основания. Край поля оформлен зернью, а внешняя поверхность украшена перегородчатой эмалью, но сохранились лишь две вставки из стекла бордового цвета» [4. С. 164–165]. Возникает множество вопросов. Учитывая, что перегородчатая эмаль является показательным технологическим приемом, ее сочетание с зернью достаточно интересно. Зернь может выполняться тремя технологическими приемами – напайкой, чеканкой или литьем. В сочетании с перегородчатой эмалью обычно встречаются чеканка или литье. Из представленной публикации мы этого выяснить не можем.

Изделие из Ивановки-6 описано автором достаточно подробно и позволяет получить практически все необходимые данные. Очень интересен материал его изготовления – серебро. Это крайне редкий случай из всего комплекса полихрома Евразии. Рентгеноспектральный микроанализ металла, проведенный доктором геолого-минералогических наук А.С. Борисенко в Институте геологии СО РАН, дал достаточно интересные результаты. Сравнение металла из Тугозвонковской коллекции с изделием из Ивановки-6 показало, что количественное содержание серебра в изделии из Ивановки-6 несколько отличается от тугозвонковских предметов. В первом случае оно составляет 75,41–79,78%, а во втором – 95–96% драгоценного металла. Кроме того, в нем наряду с серебром присутствовало довольно большое количество золота (12,77–14,52%) и меди (6,85–7,24%) [14. С. 286].

Изделие полихромного стиля из кургана 35 Тимирязевского курганного могильника 1 описано также крайне схематично: «пять медальонов в серебряной с позолотой оправе, с кантиками и вставкой из зеленого камня» [6. С. 27]. Далее описание детализируется: «Се-

ребряный корпус со вставкой из зеленого камня. Сам камень в серебряной оправе, серебро позолочено. По краю корпуса проложены в два ряда перевитые серебряные нити» [Там же. С. 84]. Прорисовки этих уникальных вещей также достаточно схематичны и не дают полного представления о некоторых конструктивных особенностях [Там же. С. 177, рис. 42, 1, 2].

Судя по форме, можно предполагать, что эти «медальоны» изначально были ременными накладками, вероятнее всего, украшавшими сбрую, и крепились к основе ремня при помощи шпеньков, которые не сохранились. Об этом говорит и приспособление одного из них для вторичного использования, представляющее собой петельки для подвешивания [Там же. С. 177, рис. 42, 1], что превратило их из ременных накладок в медальоны (рис. 4 по: [Там же. С. 177]).

Ряд вопросов остаются открытыми. Наиболее важные из них связаны с технологическими особенностями изделия. Это характер ободков – проволока или зернь, крепление вставок – в напаянные гнезда или изначально отлитые вместе с серебряной основой, характер позолоты – обтяжка основы золотой фольгой или иной тип золочения, наличие или отсутствие следов целостности изделий (были шпеньки для крепления и они отломаны или их не было, имеются ли следы приспособления для вторичного использования или эти петельки были выполнены при первоначальном изготовлении изделия) и т.п.

Изделие из кургана 6 курганного могильника Крохалева 23 представлено единичным экземпляром с таким же схематичным описанием: «бронзовая позолоченная блиха <...> диаметр – 4,2 см, в центре расположена крупная сердоликовая вставка, вокруг которой и по краю блихи находятся ободки из зерни. По краям расположены два отверстия для пришивания блихи, они перекрывают ободки и, видимо, были проделаны позже» [7. С. 30]. Рисунок также выполнен достаточно схематично [Там же. С. 104, рис. 17–55] (рис. 5 по: [Там же. С. 104]).

Размеры этой «блихи» позволяют предположить, что она также являлась первоначально ременной накладкой, у которой отломился шпенец. Это предположение подкрепляется наблюдением о приспособлении этой «блихи» для вторичного использования путем более позднего, чем изготовления самого изделия, проделывания отверстий для его крепления.

Ряд вопросов, сформулированных в отношении полихромных изделий из кургана 35 Тимирязевского курганного могильника 1, актуальны и в этом случае.

Предметы, изготовленные в полихромном стиле из могилы 1 кургана 1 курганного могильника Крохалева 16, описаны и прорисованы более подробно, но также оставляют открытыми ряд вопросов. Приведем описание: «...поясной набор, представленный бронзовой пряжкой и двумя поясными блихами. Блихи выполнены в виде литых бронзовых пластин с бордюром, в центре которого размещался обработанный камень (сердолик), зажатый бронзовым

кольцом, имитирующим зернь. К поясу бляшки крепились с помощью двух шпеньков и отдельной бронзовой пластины, расположенной с тыльной стороны ремня» [8. С. 220]. Достаточно подробный рисунок

[Там же. С. 222, рис. 155, 1; 2] говорит о многослойности конструкции, но большинство сформулированных выше вопросов остаются открытыми (рис. 6 по: [Там же. С. 222]).

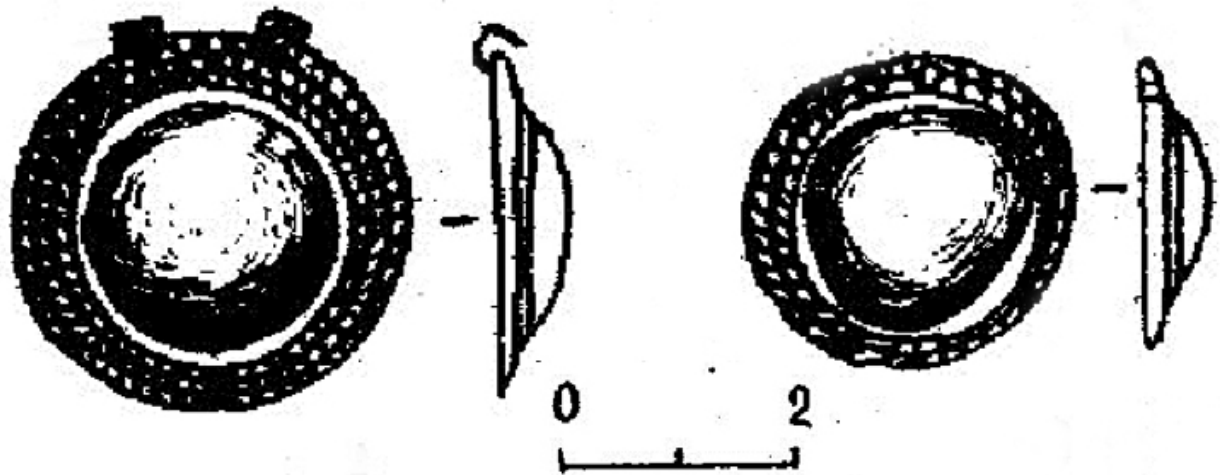

Рис. 4. Изделие полихромного стиля из кургана 35 Тимирязевского курганного могильника 1

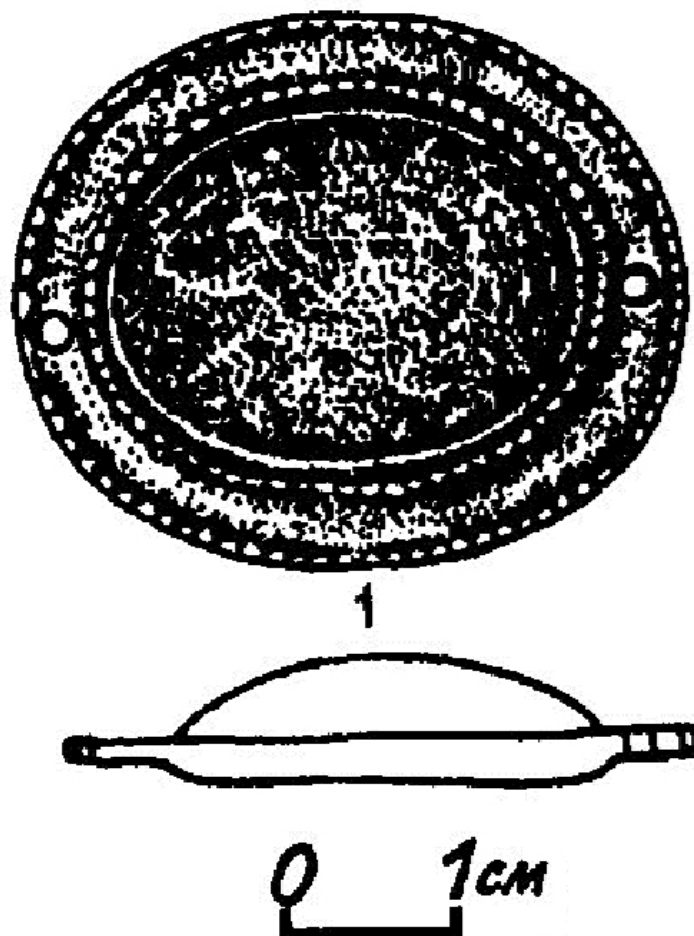

Рис. 5. Изделие полихромного стиля из кургана 6 могильника Крохалевка-23

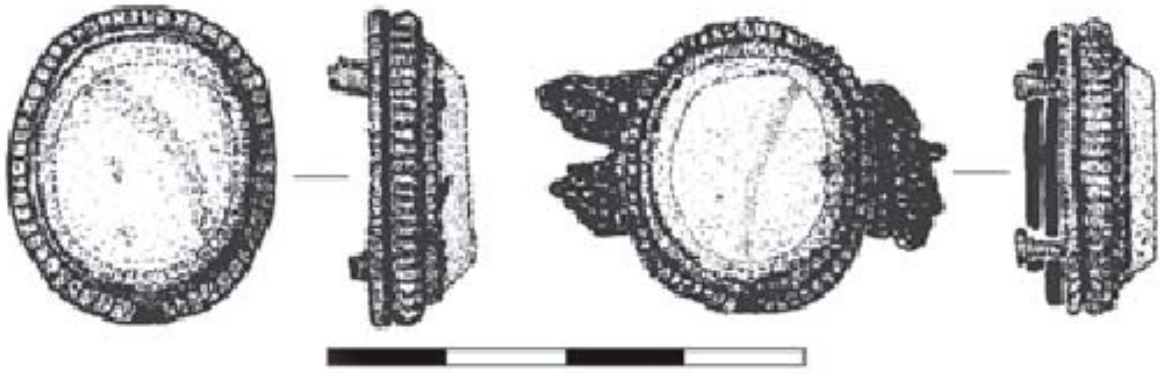

Рис. 6. Изделие полихромного стиля из могилы 2 кургана 1 могильника Крохалевка-16

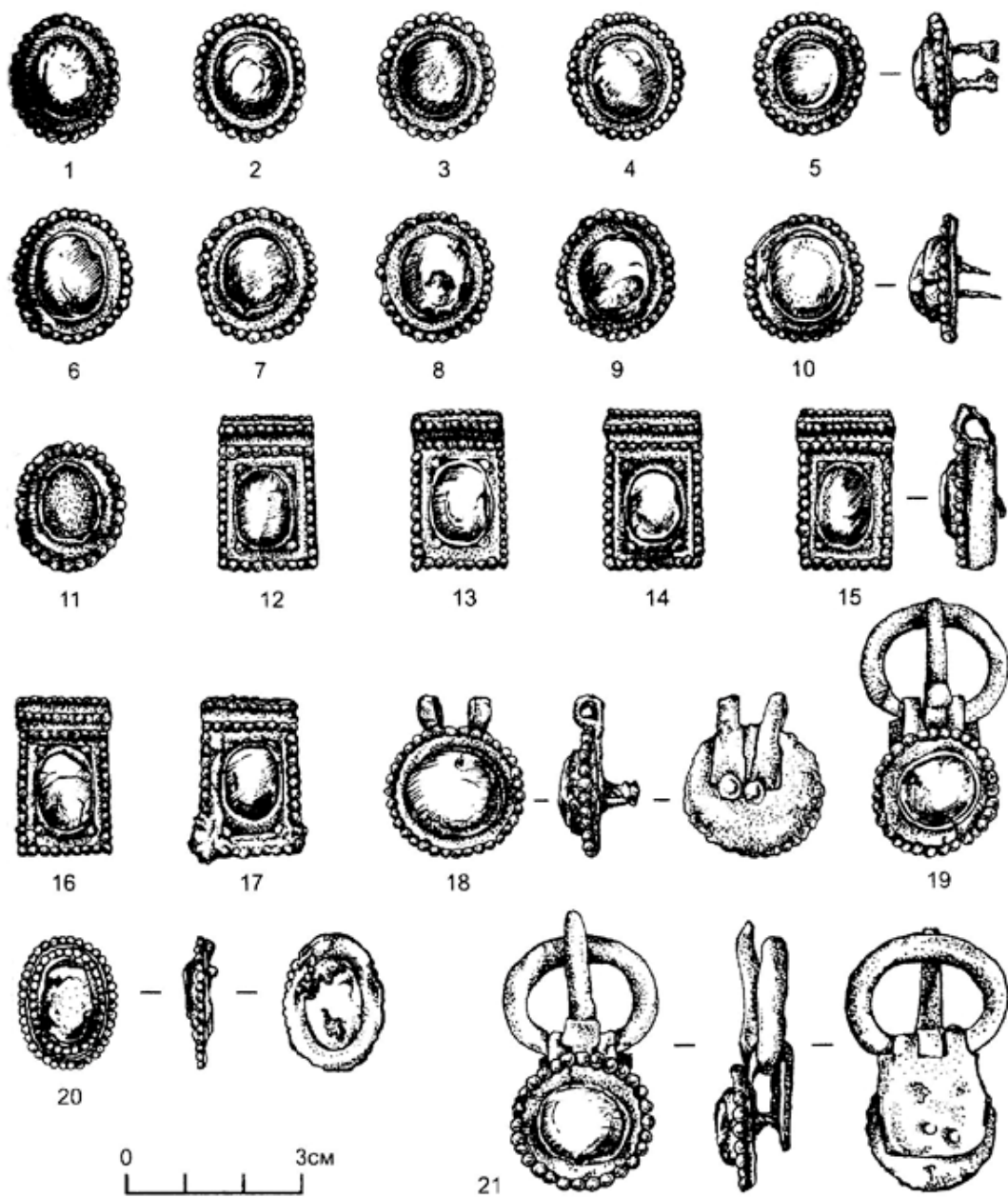

Рис. 7. Изделие полихромного стиля из могильника Аржан-Бугузун

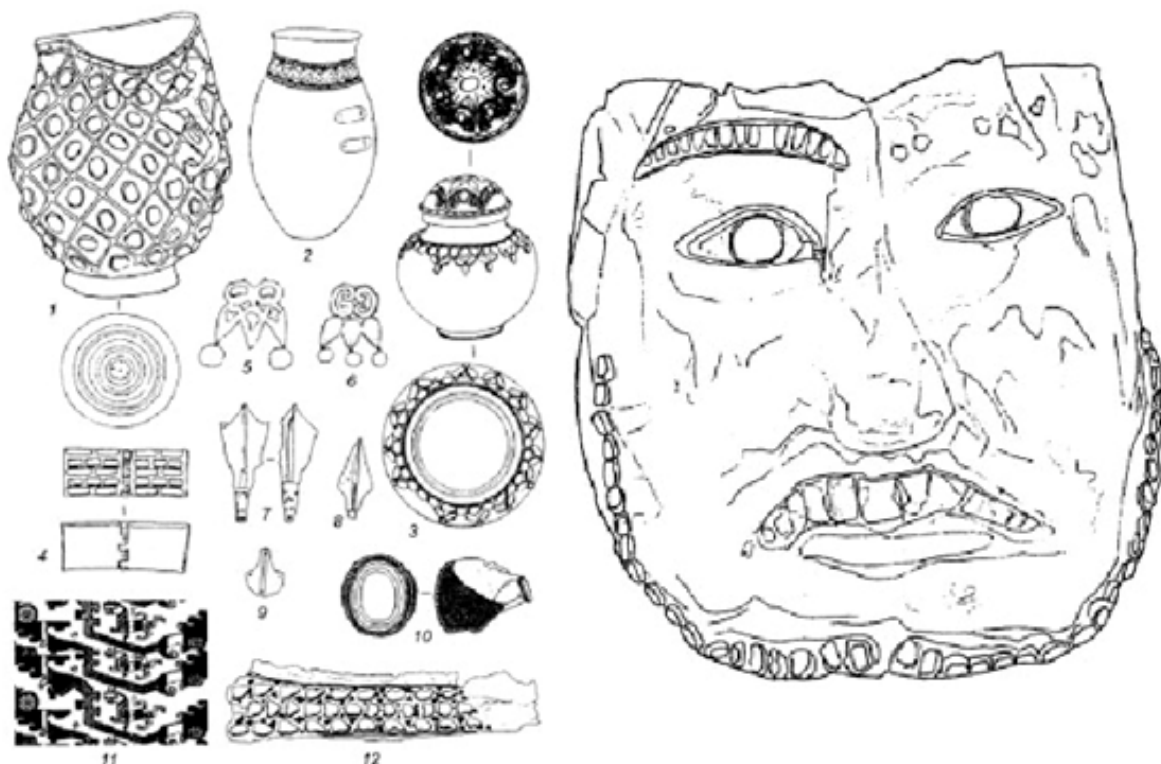

Рис. 8. Изделия полихромного стиля из могильника Бома

Изделия из Аржан-Бугузуна достаточно хорошо прорисованы, но в их описании заложено очень много деталей, позволяющих различно толковать многие технологические особенности. В данном случае мы опять сталкиваемся с достаточно интересным явлением: материалом, из которого изготовлено подавляющее количество изделий полихромного стиля этого памятника, является бронза, а не золото (за исключением одной бляшки, изготовленной из золота) [9. С. 30]. Интересно наблюдение автора, позволяющее заключить, что все бляшки выполнены в едином стиле [Там же]. Судя по рисункам, можно предположить, что каменные вставки крепились на изделиях при помощи напаянных гнезд из тонкой полоски металла, однако в описании нет на это прямого указания и рисунки не дают об этом полного представления. Характер ободка по периметру бляшки также трактуется двояко: «из крупной зерни или из филигранной проволоки, имитирующей зернь» [Там же. С. 29] (см. рис. 7 по: [Там же]).

Интересны крайне подробные описания вставок из разных полудрагоценных камней красноватого и бежевого цветов. Судя по определениям, сделанным кандидатом геолого-минералогических наук, научным сотрудником ИАЭТ СО РАН Н.А. Кулик, все эти камни происходят с территории Монголии [7. С. 28]. Не позволяя себе усомниться в достоверности этих определений, скажу лишь, что остались некоторые сомнения, так как существуют сложности с определением месторождений минералов без проведения некоторых видов

анализов, выполненных при помощи методов естественных наук. Судя по работе, подобных анализов не проводилось, а определение, вероятнее всего, сделано с учетом географически ближайшего крупного месторождения этих минералов. Учитывая достаточно широкое распространение подобных минералов, необходимо более подробно обосновывать указания на их происхождение.

Подтверждением сложности определения места добычи минерала даже при проведении сложнейших естественнонаучных исследований служит работа, проведенная при атрибуции некоторых минералов кургана Солончанка 1, причем место находки изделий с минералами не говорит о их происхождении с ближайшего месторождения [15].

Несмотря на то что работа А.П. Уманского является наиболее ранней, описание предметного комплекса в нем наиболее полное, не оставляющее пространства для догадок и предположений. Иллюстрации также вполне представительные, фотографии четкие, сделанные при хорошем освещении и дающие ясное представление о той или иной вещи. Комплекс полихрома, представленный из погребения в Тугозново, наиболее выразительный и представительный.

Публикация материалов из курганов Бома также оставляет обширное поле для догадок и предположений, не давая полного представления о технологии изготовления вещей полихромного стиля. Например, в описании отсутствуют указания на способ крепления

гнезд, в которых вставлялись рубины, напаяны они из узкой полоски или приклепаны, как у одного из описываемых предметов коллекции – золотой маски. Мелкий масштаб иллюстрации позволяет только по описанию понять, где расположена зернь, хорошо, что в описании есть указание на то, что она напаяна. Однако даже такое описание позволяет выделить основные технологические моменты. Мы видим напаянную зернь, напаянную проволоку, полное отсутствие перегородчатой эмали, доминирование вставок из минерала красного цвета (рубинов) (см. рис. 8 по: [10. С. 92–93]).

Таким образом, несмотря на достаточно полные публикации девяти комплексов, остается еще много вопросов именно по деталям.

Попытка самостоятельно разобраться с изделиями полихромного стиля показала полную несостоятельность автора в этом вопросе, так как существующее огромное количество этих предметов рассредоточено по различным музеям мира и даже поиски их первичных публикаций сопряжены с огромными временными и материальными затратами, поэтому будем опираться на публикации наиболее авторитетных в этом вопросе ученых, посвятивших свои основные усилия исследованию именно этой проблематики. Учитывая, что их взгляды на некоторые вопросы эволюционировали (что вполне естественно), будем ориентироваться на их итоговые, обобщающие работы. Это труды Анатолия Константиновича Амброза и Ирины Петровны Засецкой.

Несмотря на различия в интерпретации одного и того же материала, и А.К. Амброз, и И.П. Засецкая признают, что независимая типология, проведенная этими исследователями, дала практически идентичные результаты, за исключением небольших различий, кардинально не влияющих на основные выводы [16. С. 70; 17. С. 112].

Так, А.К. Амброз выделяет 3 типа изделий полихромного стиля, причем типы 1 и 2 очень схожи между собой, потому что группу 2 «труднее всего было выделить <...>, так как по ряду признаков напоминала группу 1» [16. С. 66]. Таким образом, им было выделено 2 основных типа полихромных изделий, в которых типы 1 и 2 были схожи, а «от группы 1 очень наглядно отличается группа 3» [Там же. С. 65]. Кроме того, проведенная картография показала, что ареалы распространения изделий групп 1 и 2 отличаются от ареала распространения изделий группы 3 [Там же. С. 55–56], что наглядно подтверждает правильность проведенной типологии.

К подобному выводу по типологическим особенностям пришла и И.П. Засецкая, разделившая комплексы гуннского времени на 5 отдельных подгрупп –

«А», «Б», «В», «Г» и «Д» [17]. Причем «в результате простой систематизации, а также типологического анализа вещей <...> комплексы распались на 2 группы» [Там же. С. 54], а комплексы подгруппы «Д» выделены по отсутствию вещей полихромного стиля [Там же. С. 65]. Дальнейшая систематизация и выделение более дробных типов показали, что «подгруппы «А» и «В» резко отличаются по составу погребального инвентаря» [Там же. С. 66].

Таким образом, мы видим, что выделение двух основных типов изделий полихромного стиля подтверждается независимыми выводами двух выдающихся исследователей, ведущих между собой постоянную научную полемику, что лишний раз доказывает независимость этих выводов, а их схожесть в своей основе говорит о том, что мы имеем дело уже с более-менее объективной реальностью.

Типологические особенности вещей из описанных в работе комплексов, маркирующих восточную границу распространения полихрома, позволяют отнести их к 3-му типу по типологии А.К. Амброза, характеризующемуся «неумеренным применением зерни <...>, тисненые подражания зерненым вещам» [16. С. 65], или к подгруппе «В» И.П. Засецкой, для которой характерны «полихромные украшения, декорированные цветными вставками в напаянных гнездах и накладным орнаментом из золотой проволоки и зерни <...> ободками зерни, треугольниками, ромбиками и пирамидками, выложенными зернью» [17. С. 62]. Эти памятники маркируют границу их восточного распространения, а следовательно, и зону влияния представителей гуннов, что включает их в круг гуннской культурной среды.

Таким образом, наличие изделий полихромного стиля гуннского типа в рассматриваемых погребально-поминальных памятниках позволяет отнести девять изучаемых погребений к гуннско-европейскому кругу памятников и, учитывая наиболее восточные их координаты, определить восточные границы огромного гунно-европейского культурного пространства с преимущественно западным направлением культурных контактов.

Наиболее восточной точкой находок изделий полихромного стиля гуннского типа можно считать координату порядка 89° в.д. (Аржан-Бугузун). Зона контакта между европейской и азиатской мультикультурами, маркирующая основное направление культурно-исторических связей (запад – восток), пролегает преимущественно в районе между 80° и 90° в.д.

Более детальное обоснование предварительного вывода будет приведено в последующих работах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уманский А.П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 129–163.
2. Уманский А.П. Памятники эпохи «Великого переселения народов» на Алтае // Урало-Алтайстика: археология, этнография, язык. Новосибирск, 1985. С. 55–63.

3. Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи Великого переселения народов на Алтае // *Культура древних народов Южной Сибири*. Барнаул, 1993. С. 77–80.
4. Молодин В.А., Чикишева Т.А. Погребение воина IV–V вв. н.э. в Барабе // *Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии*. Новосибирск, 1990. С. 161–179.
5. Бородовский А.П. Украшение полихромного стиля из Новосибирского Приобья // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Материалы VII Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. Т. V. С. 283–287.
6. Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. 245 с.
7. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.
8. Сумин В.А., Евтеева Е.М., Ануфриев Д.Е., Росляков С.Г. Археологические памятники Коченёвского района Новосибирской области. Новосибирск : Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, 2013. 272 с.
9. Кубарев Г.В. Уздечный набор в полихромном стиле из памятника Аржан-Бугузун (Юго-Восточный Алтай) // *Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии* : сб. науч. тр. / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул : Азбука, 2010. 188 с. С. 27–31.
10. Алкин С.В. Коллекция из кургана Бомы в Северном Притяньшанье: материалы к изучению гунно-сарматского времени в Восточном Туркестане // *Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности* : сб. науч. ст. / под ред. В.Е. Ларичева. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 91–100.
11. Соловьёв А.И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до Средневековья. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 2003. 224 с.
12. Бородовский А.П., Оболенский А.А., Бабич В.В., Борисенко А.С., Морцев Н.К. Древнее серебро Сибири (краткая история, состав металла, рудные месторождения). Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2005. 88 с.
13. Казаков А.А. Изделия полихромного стиля из погребения на р. Ераська // *Вестник Томского государственного университета*. История. 2016. № 3 (41). С. 106–114.
14. Бородовский А.П. Древнее серебро в Сибири (обзор проблематики) // *Древности Алтая* : межвуз. сб. науч. тр. Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ, 2003. № 11. С. 44–58.
15. Бушмакин А.Ф., Таиров А.Д. Гранат из могильника Солончанка 1 (Южный Урал) // *Курганы с «кусами» Солончанка 1* : сб. науч. тр. / под ред. А.Д. Таирова. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 90–97.
16. Амброс А.К. Хронология древностей Северного Кавказа 5–VII вв. М. : Наука, 1989. 134 с.
17. Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности памятников Южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи (постановка вопроса) // *Советская археология*. 1971. № 1. С. 53–71.

Kazakov Alexander A. Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Barnaul, Russia). E-mail: kaa-2862@mail.ru

ON EASTERN BORDER OF POLICHROME STYLE OBJECTS SPREADING.

Keywords: polychrome style; the Huns; spreading area; Early Middle Ages.

This article is aimed at identifying the eastern border of polichrome style objects that have been culture indicators demarcating the influence area of the Hunnic cultures after receiving new materials from 9 burial complexes in the Western Siberia and Northern China during recent 50 years (Tugozvonovo, Eras'ka, Sopka 2 (tomb № 688), Ivanovka 6, Timeryazevskii kurgan burial 1, Krokhalievka 23, Krokhalievka 16, Arzhan-Buguzun, Boma). The analysis of the burial-memorial complexes, containing polichrome style objects, helped to identify both the burials of cultures from other regions, that is, belonging to the Huns and the burials representing local cultural traditions. The Hunnic burial-memorial complexes belonging to a different culture were a source of cultural innovations and transformations, which in their turn led to a change in the culture of the vast region. Those burial complexes are distinguished from the local graves by the larger depth of phreatic burial pits, ring deformation of skulls, a complex of polichrome style objects (not just single instances of polychrome style objects), single graves (not as a part of burial field). Polychrome style objects marking the eastern border of their distribution are similar in their stylistic peculiarities. Identification of geographical coordinates of the burial-memorial complexes with polichrome style objects, led to draw the eastern boundary of their distribution, which is in the area between 80 and 90 degrees East longitude. The most easterly is burial-memorial complex Arzhan-Buguzun, located at 89 degrees East longitude. The eastern border of the polychrome style objects distribution has made it possible to put forward a hypothesis about the inclusion of the Western Siberia archaeological cultures in the early Middle Ages in the range of cultures belonging to the Hunnic cultural unity characterized by prevailing West direction of cultural contacts, and draw a border with the cultures of predominantly eastern direction of cultural ties. Such inclusion of huge territories (of Western Siberia) in global historical processes of the Great Migration Period allows to take a fresh look at the early Middle Ages period of the region, the history of which is closely connected with the turbulent historical events of that most interesting period of the world history, when the basis for most modern ethnicities was laid.

REFERENCES

1. Umanskiy, A.P. (1978) Pogrebenie epokhi "velikogo pereseleniya narodov" na Charyshe [A burial of the "Great Migration" era on the Charysh]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoy Sibiri* [Ancient cultures of the Altai and Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 129–163.
2. Umanskiy, A.P. (1985) Pamyatniki epokhi "Velikogo pereseleniya narodov" na Altae [Monuments of the "Great Migration" in the Altai]. In: Gemuev, I.N. (ed.) *Uralo-Altaiistika: arkheologiya, etnografiya, yazyk* [The Ural-Altai Studies: Archeology, ethnography, language]. Novosibirsk: Nauka. pp. 55–63.
3. Egorov, Ya.V. (1993) Novoe issledovanie pogrebeniya voina epokhi velikogo pereseleniya narodov na Altae [A new study of a "Great Migration" warrior's burial in the Altai]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Kul'tura drevnikh narodov Yuzhnoy Sibiri* [Culture of the ancient peoples of Southern Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 77–80.
4. Molodin, V.A. & Chikisheva, T.A. (1990) Pogrebenie voina IV–V vv. n.e. v Barabe [A warrior's burial of the 4th – 5th BC in Baraba]. In: Khudyakov, V.S. et al. *Voennoe delo drevnego i srednevekovogo naseleniya Severnoy i Tsentral'noy Azii* [The warfare of ancient and medieval population of North and Central Asia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 161–179.
5. Borodovskiy, A.P. (1999) [A polychrome decoration for the Ob territory near Novosibirsk]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and cross-border regions]. Proc. of the 7th Annual Session of the Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS. Novosibirsk. pp. 283–287. (In Russian).
6. Belikova, O.B. & Pletneva, L.M. (1983) *Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv. n.e.* [Monuments in the Ob reagon near Tomsk of the 5th – 8th BC]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Troitskaya, T.N. & Novikov, A.V. (1998) *Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [The Upper Ob culture in the Ob region near Novosibirsk]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.

8. Sumin, V.A., Evteeva, E.M., Anufriev, D.E. & Roslyakov, S.G. (2013) *Arkheologicheskie pamyatniki Kochenevskogo rayona Novosibirskoy oblasti* [Archaeological sites of Kochenyovo District, Novosibirsk Region]. Novosibirsk: The Research and Production Centre for the Conservation of Historical and Cultural Heritage of Novosibirsk Region.
9. Kubarev, G.V. (2010) Uzdechnyy nabor v polikhromnom stile iz pamyatnika Arzhan-Buguzun (Yugo-Vostochnyy Altay) [Polychrome bridle sets from Argens Buguzun monument (South-Eastern Altai)]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Torevtika v drevnikh i srednevekovykh kul'turakh Evrazii* [Toreutics in ancient and medieval cultures of Eurasia]. Barnaul: Azbuka. pp. 27–31.
10. Alkin, S.V. (2007) Kolleksiya iz kurgana Boma v Severnom Prityan'shan'e: materialy k izucheniyu gunno-sarmatskogo vremeni v Vostochnom Tupkestane [Collection from the Bohm mound in the North Irtysh area: Materials to the study of Hun-Sarmatian time in East Turkestan]. In: Larichev, V.E. (ed.) *Altae-Sayanskaya gornaya strana i sosednie territorii v drevnosti* [The Altai-Sayan mountain country and neighbouring areas in ancient times]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS. pp. 91–100.
11. Soloviev, A.I. (2003) *Oruzhie i dospekhi. Sibirskoe vooruzhenie: ot kamennogo veka do srednevekov'ya* [Weapons and armor. Siberian weapons: From the Stone Age to the Middle Ages]. Novosibirsk: INFOLIO-press.
12. Borodovskiy, A.P., Obolenskiy, A.A., Babich, V.V., Borisenko, A.S. & Mortsev, N.K. (2005) *Drevnee srebro Sibiri (kratkaya istoriya, sostav metalla, rudnye mestorozhdeniya)* [Ancient Siberian silver (brief history, composition of the metal, ore deposits)]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.
13. Kazakov, A.A. (2016) Polychrome style objects from burial site on the Eras'ka river. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(41). pp. 106–114. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/41/15
14. Borodovskiy, A.P. (2003) Drevnee srebro v Sibiri (obzor problematiki) [Ancient silver in Siberia (review)]. *Drevnosti Altaya*. 11. pp. 44–58.
15. Bushmakina, A.F. & Tairov, A.D. (1999) Granat iz mogil'nika Solonchanka 1 (Yuzhnyy Ural) [Garnet from Solonchanka 1 burial (Southern Urals)]. In: Tairov, A.D. (ed.) *Kurgan s "usami" Solonchanka 1* [Solonchanka 1: A burial mound with the "mustache"]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. pp. 90–97.
16. Ambroz, A.K. (1989) *Khronologiya drevnosti Severnogo Kavkaza 5–VII vv.* [The chronology of antiquities from North Caucasus of the 5th – 7th centuries]. Moscow: Nauka.
17. Zasetskaya, I.P. (1971) O khronologii i kul'turnoy prinadlezhnosti pamyatnikov Yuzhnorusskikh stepey i Kazakhstana gunnskoy epokhi (postanovka voprosa) [About the history and cultural identity of the Hun monuments of the Southern Russian steppes and Kazakhstan (to the question)]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1. pp. 53–71.